

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

ВАСИЛЬЕВ Л.Г.

Калужский государственный педагогический университет

У статті висвітлюються методологічні питання аналізу аргументації в дискурсі. Обговорюються основні параметри аргументативної ситуації (її виникнення, семіологічні особливості, розвиток, умови успішної реалізації), характеризуються учасники аргументативної ситуації, аналізуються компоненти аргумента, актуалізованого мовними засобами.

В статье освещаются методологические вопросы анализа аргументации в дискурсе. Обсуждаются основные параметры аргументативной ситуации (ее возникновение, семиологические особенности, развитие, условия успешного осуществления), характеризуются участники аргументативной ситуации, анализируются компоненты аргумента, актуализированного языковыми средствами.

The article deals with methodological issues of analyzing reasoning in discourse. First, principal parameters of argumentation situation (its occurrence, semiological characteristics, development and felicity conditions) are discussed. Then participants of argumentation discourse are characterized. Lastly, components of a linguistically manifested argument are given analysis.

Естественно-языковая аргументация составляет объект изучения лингвистической аргументологии (лингвоаргументологии). Лингвоаргументология – дисциплина, возникшая в языковедческой науке совсем недавно. Конечно, тексты, содержащие аргументацию, равно как и отдельные компоненты аргументов подвергались исследованию с незапамятных времен, однако не ставилась отдельная задача исследовать собственно когнитивные или логические процедуры, задающие аргументацию как таковую и спроецированные в языковой текст.

Надо сказать, что подобная ситуация характерна не только для российской и украинской, но и для западноевропейской и североамериканской лингвистики. И если оформление собственно аргументологии, или теории аргументации, в мировой науке можно связывать с появлением работ практико-логического [Beardsley 1952] и риторико-аргументативного [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969] направлений (которые, собственно, и позволили аргументологии «отпочковаться», соответственно, от логики и от риторики), то в языковедении (по крайней мере, в российском) начало фундаментального исследования аргументации следует, по-видимому, связывать с появлением докторской диссертации А.Н. Баранова [Баранов 1990]. Она знаменует начало лингвокогнитивного подхода к аргументологии. Логико-лингвистический подход был предложен девятью годами позднее в моей докторской диссертации [Васильев 1999], а спустя всего лишь год российская лингвистика получила возможность ознакомиться с собственно прагмалингвистическим методом, изложенным в докторской работе Н.Ю. Фанян [Фанян 2000].

Несмотря на то, что прошло уже почти 20 лет со дня оформления лингвоаргументологии как отрасли языковедения, число исследований в ней как в России, так и в Украине пока еще сравнительно невелико; поэтому представляется целесообразным изложить некоторые важнейшие положения, на которые опирается лингвистическая аргументология – может статься, этот объект заинтересует большее число исследователей, и она тем самым будет прирастать трудами как опытных, так и наших молодых коллег.

Аргументативная ситуация. Аргументативная ситуация – это ситуация взаимодействия субъектов общения, в которой происходит обмен мнениями с отстаиванием некоторой позиции. Такая ситуация может возникать в условиях как симультанного, так и отсроченного диалога между людьми. Под отсроченным диалогом здесь подразумевается работа человека с письменным текстом – его создание и восприятие. Под аргументативной ситуацией Г.А. Брутян понимает способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса, рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные противоположные доводы, дается оценка основаниям и тезису, опровергается антитезис, а тезис доказывается. Основная цель при этом – сделать собеседника своим единомышленником, а составные цели – доказательство истинности тезиса, а также формирование у реципиента некоторого убеждения [Брутян 1984: 7, 32]. Для лингвоаргументологии здесь существен не собственно способ развертывания аргументации, который у Г.А. Брутяна восходит к Платону и Аристотелю, а языковые стратегии и тактики такого развертывания (с учетом, конечно, того, что категория истинности должна уступить место правдоподобности).

Аргументативная ситуация возникает в условиях когнитивного диссонанса при наличии у собеседников потребности что-либо узнать из общения с партнером. Когнитивный диссонанс при этом не должен быть чересчур большим, в частности, в научной аргументации общие точки отсчета должны быть заведомо известны. По мнению К. Поппера, в таких случаях дискуссия будет тем успешнее, чем больше различаются фонды знаний (при междисциплинарном диалоге – Л.В.) собеседников [Popper 1962: 352]. В интрадисциплинарном диалоге различие в фондах знаний будет сводиться к различиям в индивидуальных полях сигнификатов общающихся при общности конвенциональных полей (см. о терминах: [Васильев 1991: Гл.2]).

По мнению С.Г. Оганесяна, аргументативная ситуация возникает тогда, когда адресат понимает, но не принимает передаваемую информацию [Оганесян 1986: 10]. Это утверждение перекликается с базовыми представлениями об аргументации представителей голландской прагматодialeктической школы аргументологии, которые рассматривают аргументацию как единство коммуникативного (иллокутивного, ориентированного на понимание) и интерактивного (перлокутивного, направленного на убеждение) компонентов [Eemeren, Grootendorst 1984]. Такой подход, как представляется, основан на принятии разделения передачи информации и познания: передача информации обеспечивает понимание, а осуществление познания (в смысле *принятия* – в такой вот не вполне обычной трактовке) дает убеждение. Субъект-субъектные отношения оказываются тем самым опосредованными субъект-объектными. Методологическая значимость этого состоит в необходимости изучения проблемы понимания для адекватного представления проблемы убеждения.

Существенным (хотя и незаслуженно игнорируемым) для теории аргументации можно признать понятие *аргументативного поля*. По мнению С.Г. Оганесяна, оно является компонентом

так называемого *мыслительного поля*, представляющего собою всю систему общих и частных воззрений и идей субъекта, в истинности которых он убежден; мыслительное поле не является строгой логической системой, так что некоторое конкретное положение может быть совместимо с одними и несовместимо с другими частями поля. В пределах мыслительного поля может существовать определенная система общих представлений и идей собеседников, совместимая с выдвигаемым положением и являющаяся основой для успешной аргументации; это аргументационное поле [Оганесян 1986: 15–16].

Из рассуждений С.Г. Оганесяна следует, что мыслительное и аргументационное поля разграничиваются по признаку *единичное / общее*. Аргументационное поле представляет собою результат когнитивной обработки мыслительных полей с последующей конвенционализацией участниками общности идей. Иными словами, аргументационное поле семиотически представляет собою конвенциональное поле сигнификата, причем определенный его участок, связанный с целеполаганием для обоснования, защиты и атаки положений-пропозиций.

Мыслительное поле представляет собою целостный сигнификат / множество сигнификатов, а аргументационное поле – десигнат / десигнаты как понятийные области в пределах сигнификата / сигнификатов. Тогда, соотнося аргументацию с пониманием, можно говорить о понимании мыслительного поля соперника путем обработки аргументационного. Заметим в связи с этим, что аргументационное поле интенционально обусловлено, оно занимает не весь десигнат, а только его часть, «бомбардируемую» данной конкретной интенцией. Постижение как разновидность и этап понимания является основой для последующих декодирования, осмысления и интерпретации потому, что сигнификат имеет полевую структуру, где границы областей не являются строгими и константными. Поэтому в конвенциональном десигнативном поле будут находиться элементы (пусть периферийные) индивидуального, а проникновение в последнее достигается переструктурированием элементов индивидуального и конвенционального полей, осуществляемых Отправителем при аргументации. При аргументации обязательно вводится элемент, полагаемый Отправителем как новый для Получателя (т.е. выражающий индивидуальное поле сигнификата аргумента Отправителя), декодировать который Получатель может именно в силу наличия конвенциональных элементов в аргументативном поле, потому что новое воспринимается в опоре на известное.

Условия успешного осуществления аргументации. Аргументативная ситуация существует, если обеспечиваются некоторые условия, позволяющие производить обмен мнениями между коммуникантами. Если принять, что аргументация представляет собою комплекс мнения и действия (иллокуции и локуции), то условия удачи должны быть определены и для того, и для другого. В целом, аргументация как разновидность речевого общения подчиняется принципам успешности общения Г.П. Грайса [Грайс 1983] (если, конечно, отвлечься от национально-культурного фактора, который дает ощутимые поправки для концепции этого автора). Можно

привести несколько экспликаций Принципа Сотрудничества, применимых к собственно аргументации.

Так, К.Г. Павлова пишет о соблюдении (а) принципа равной безопасности (непричинение ущерба ни одному из коммуникантов), (б) принципа децентрической направленности (непричинение ущерба делу), (в) принципа адекватности сказанному (неискажение принципиального смысла прочитанного / сказанного) [Павлова 1988: 31 и далее]. Набор этих принципов охватывает все компоненты интерактивной ситуации. Последний из перечисленных принципов, как представляется, едва ли может применяться универсально, поскольку искажения такого рода, на наш взгляд, лежат в самой основе семиотического подхода к общению; другое дело, что эти искажения могут целенаправленно подавляться и таким образом будет осуществляться лишь одна из разновидностей понимания (по крайней мере, на «поверхности») в результате семиотического движения, скажем, от осмысления к постижению (см. о терминах: [Васильев 1991: 36–38]).

О. Ашейм, К. Бреде и Б. Томпсен описывают следующие нормы для осуществления аргументации: (а) избегай неделового тенденциозного разговора, так как отклонение от существа дела снижает ценность аргументации; (б) избегай тенденциозного воспроизведения чужих мнений – формулировки должны быть нейтральными; (в) избегай тенденциозной многозначности; (г) избегай шаржирования противника; (д) избегай тенденциозных представлений по поводу чужого мнения; (е) избегай тенденциозности в форме подачи аргументов (цит. по: [Демьянков 1989: 23]). Эти нормы вбирают в себя по меньшей мере три аспекта аргументирования (без их должного деления) – интерпретационный, продуценти-языковой и интерактивный.

В.А. Михайлов считает, что аргументация зависит, в числе прочего, и от правильности формулировки ее центрального вопроса в соответствии с требованиями: (а) точности, ясности и значимости; (б) истинности предпосылок; (в) соответствия нормам языка, современности; (г) оптимальности информации [Михайлов 1986: 73]. В этих последних требованиях собственно языковые смешаны с логическими и интерактивными.

Согласно Дж. Олвуду, к нормам аргументации относятся: (а) соответствие нормам – ожидание того, что логический вывод лежит в рамках общепринятой логики; (б) адекватность в оценке логичности высказывания; (в) допустимость явного или косвенного указания на замеченные логические ошибки в своих и чужих рассуждениях (цит. по: [Демьянков, 1989: 24]). Примечательным для нас у Дж. Олвуда является обозначение конвенциональной максимы *общепринятая* логика – это далеко не то что формальная и может пониматься по меньшей мере: (А) как принимаемая за основу для анализа конкретного текста (например, силлогистическая взамен сентенциональной или предикатной – потому что процедуры получения выводов в них весьма различны и часто несводимы друг к другу); (Б) как неформальная, т.е. не-традиционная, а основанная на «здравом смысле» и потому квазилогическая (см. о возможности применения

последней, например, в очень разных подходах – канадской неформальной логики [Johnson 1987] и риторической паралогики [Клюев 2001]).

Исходя из того, что аргументация осуществляется в диалогическом пространстве, представители голландской школы описывают 17 правил аргументации [Eemeren, Grootendorst 1984] в соответствии с выделяемыми ими этапами аргументативного диалога – конфронтацией, началом, собственно аргументацией и заключением. Однако авторы не оговаривают, что эти правила фактически разнородны, потому что обеспечивают, с одной стороны, интеракцию, а с другой – проведение собственно аргументации; во всяком случае, ряд правил, относимых к аргументативной стадии, можно считать правилами интеракции.

К интерактивным правилам можно причислить следующие. Правило 3: право потребовать и получить в ответ речевой декларатив (usage declarative). Правило 4: право потребовать от оппонента защитить свою точку зрения. Правило 5: обязанность собеседника защищать свою точку зрения по требованию оппонента. Правило 6: обязанность собеседника не отклоняться от своей аргументативной роли (протагониста или антагониста). Правило 7: договоренность о правилах, определяющих защиту и атаку, действительна на протяжении всей дискуссии. Правило 13: право антагониста подвергнуть сомнению любой иллокутивно-аргументационный комплекс, который еще не защищен протагонистом. Правило 14: право протагониста на протяжении дискуссии защищать любой из еще не защищенных им иллокутивно-аргументативных комплексов. Правило 15: право протагониста в течение дискуссии отречься от любого иллокутивно-аргументационного комплекса, который он ранее осуществил и тем самым от обязанности его защищать. Правило 16: соблюдение однократности осуществления участниками конкретного иллокутивно-аргументационного комплекса в пределах одного аргументативного хода и для одной и той же цели; требование соблюдения очередности коммуникативных ходов собеседниками. Правило 17: требование разумности общения: отказ от своей позиции, если адекватно защищена противоположная или если против своей позиции выдвинуты убедительные контраргументирования.

К собственно аргументативным правилам можно отнести следующие. Правило 1: ограничения на употребление иллокутивных актов: в аргументации могут использоваться только ассертивы, комиссивы, директивы и речевые декларативы. Правило 2: сомнение по поводу утверждения предполагает иллокутивное отрицание приемлемости пропозиционального содержания ассертива. Правило 8: условность защиты, если аргументация не сопровождается убеждением соперника; условие успешной защиты тезиса (защищены должны быть как пропозиция, так и доказывание / опровержение); идентификация и проверка пропозиций как метод защиты. Правило 9: восстановление имплицитного довода и применение логических правил для оценки аргументационной валидности. Правило 10: экспликация, рассуждение как способы определения успешности защиты в случае, если их применение дает положительный результат.

Правило 11: критерий достаточности защиты и атаки – успешная защита пропозиционального и/или иллокутивного содержания аргумента. Правило 12: критерий достаточной защиты исходной точки зрения – успешная защита иллокутивного содержания аргумента (т.е. доказывания / опровержения) и достаточная защита всех подчиненных точек зрения.

Перечисленные правила дают возможность описать адекватное ведение аргументации в условиях непосредственного диалогового режима. В ситуациях отсроченного диалога значимость их снижается. Вообще отсроченный диалог, например, общение между учеными путем написания научных трудов и их рецензирования, требует отвлечения от некоторых характеристик непосредственного диалога, потому что является во многом энтимематизированным. Неэксплицированные моменты топики плана в ответах-рецензиях позволяют предположить, что оппонент принимает их, т.е. становится возможно установить компоненты конвенционального поля сигнификатов участников общения. Критика же обращена в таких случаях на участки когнитивного диссонанса, соответствующие индивидуальным полям сигнификатов.

Участники аргументативной ситуации. Условимся называть разновидности состязательного обмена мнениями или оценки мнений (дебаты, диспут, полемика, спор, дискуссия) общим термином Обсуждение. Необходимые компоненты любого Обсуждения – участники обсуждения и аргумент; сторонние лица являются факультативными. Х. Грунерт и Г. Каливода считают, что целесообразно выделять категории описания структуры обсуждения в аспекте действий (вклада) участников в обсуждении (например, инициальные и сукцессивные выступления, замечания личного характера), с одной стороны, и структуру каждого выступления (вводные замечания, углубляющие и заключающие рассуждения, организованные в соответствии с повторяющимися типовыми образцами) [Grunert, Kailvoda 1983: 75]). Такое описание может быть применимо для непосредственного устного диалога.

Участники обсуждения могут быть классифицированы в зависимости от наличия у них признаков (а) инициативности зачина обсуждения и (б) отношения к обсуждаемой проблеме. Эти два момента пригодны для характеристики участников всех форм аргументативного взаимодействия. На основе признака (а) выделяются Актор и Контр-актор, на основе признака (б) – Пропонент и Оппонент. Актор – это тот, кто выдвинул некоторое утверждение для Обсуждения, Контр-актор – тот, кто принимает участие в обсуждении уже выдвинутого утверждения. Например, рецензент выполняет функции Контр-актора. Эти роли перекликаются с выделенными нами ранее ролями Отправителя и Получателя сообщений [Васильев 1991: Гл.1], но здесь определяется их место в аргументации; к тому же в отсроченном диалоге Контр-актор может быть как Получателем, так и Отправителем, равно как и Актор. Другое дело, что в отношении инициального сообщения роли Актора и Отправителя, с одной стороны, и Контр-актора и Получателя, с другой, судя по всему, совпадают. Выделение ролей Актора и Контр-актора происходит безотносительно к положительным или отрицательным воззрениям коммуникантов на

обсуждаемые точки зрения. Роли же Пропонента и Оппонента определяются с противоположных позиций: они чувствительны к принятию (Пропонент) или непринятию (Оппонент) выдвинутой и обсуждаемой позиции, но безразличны в отношении дихотомии Отправитель – Получатель: каждый из них может быть как Отправителем, так и Получателем. Тем самым в последнем случае мы имеем симметрию отношений. Таким образом, в аргументативной ситуации картина функциональных ролей участников дается без специальной ориентации на положение дел в коммуникации: в коммуникативной ситуации важнейшим признаком служит передача / прием информации, а в аргументативной – проблемная ситуация и отношение к ней участников. Кроме того, рассмотрение аргументативной ситуации в рамках отсроченной коммуникации также затрудняет их прямое соотнесение.

Компоненты аргумента. В пределах аргументационного поля обсуждается некоторое утверждение из мыслительного поля Пропонента. По мнению А.Н. Соколова, обсуждаемый предмет разногласия отличается от предмета дискуссии, потому что в дискуссии могут иметь место несовпадения мнений по формулировке / постановке проблемы, по выражению решений этой проблемы, по наличию обоснований предлагаемых решений проблемы. Предмет разногласия выступает в качестве спорного вопроса. Спорный вопрос в дискуссии принимает облик Положения, к которому, в отличие от Тезиса, предъявляется требование не истинности, а не-ложности [Соколов 1980: 91–92, 110].

Предмет дискуссии тогда может быть соотнесен с понятием аргументационного, а Спорный вопрос – с понятием мыслительного поля. Представляется излишним введенное разделение терминов Положение и Тезис, тем более что А.Н. Соколов применяет термин Положение и к доводам [там же: 112], не проводя эксплицитного разграничения уровней рассмотрения (локального и глобального). Кроме того, в рассуждениях А.Н. Соколова о Тезисе и Положении имеется еще одна непоследовательность. Она связана с тем, что Положение связывается с логическим понятием противоположности: «дискуссия, полемика, спор в науке – формы столкновения противоположных точек зрения при решении спорного вопроса» [там же: 110]. Дело в том, что в пределах противоположных суждений в логике выделяются противоречащие и противные. В противоречащих одно из суждений общее, а другое частное, в противных оба суждения – общие [Асмус 1954: 42–43]. Однако понятие противоположности напрямую связано с разделением суждений на истинные и ложные, а на этом основании у А.Н. Соколова выделяется Тезис, Положение же определяется на основе правильности / ошибочности.

Стремление избавиться от логических коннотаций термина Тезис наблюдается и у Ф. Еемерена и Р. Гротендорста. Эти авторы пользуются понятиями *выраженное мнение* (expressed opinion) и *точка зрения* (standpoint), выделяя их на основе многоуровневого представления аргументации: «аргументация, относящаяся непосредственно к исходному выражаемому мнению, является основной, а к подчиненному – субаргументацией» [Eemeren, Grootendorst 1984: 90].

Иными словами, аргументация соотносится с эксплицитным Тезисом (мы используем здесь термин Тезис не в строгом логическом смысле, а как *защищаемое положение*, и для ясности будем дальше употреблять его с заглавной буквы). Но тогда получается, что в условиях имплицитного Тезиса аргументация отсутствует, с чем едва ли можно согласиться. Не вполне четкой представляется и трактовка термина *точка зрения / позиция*. С одной стороны, это глобальный эксплицитный / имплицитный Тезис, подкрепленный эксплицитными локальными Тезисами, которые на глобальном уровне становятся доводами. С другой стороны, это *views, attitudes, standpoints* (выделено мною – Л.В.), т.е. не то, *что* доказывается, а то, на что *опираются при* доказательстве: фоновые знания, пресуппозиции, мыслительное поле, откуда выбирается выражаемое мнение. Представляется, что такая неоднозначность проистекает из употребления термина *исходный (initial)* (Тезис), который представим в виде вершинного терминала некоторого аргументативного фрейма и представляет собою доказываемое, но известное Пропоненту заранее положение. Такого же рода проблема возникла в свое время перед представителями генеративных течений в синтаксисе и семантике, когда критики ставили им в упрек то, что деривационные схемы порождения предложений на самом деле представляют картину не синтеза, а анализа. Думается, что эта проблема в случае аргументации должна решаться проще, потому что доказыванием глобального Тезиса можно считать анализ его обоснования, а синтез представляет собою синтагматический (и с точки зрения риторики – чрезвычайно важный) путь к соединению отдельных положений в целое. Иными словами, в этом отношении анализ ориентирован на локальный, а синтез – на глобальный уровень.

Для разноплановой аргументации, которую рассматривают Ф. Еемеерен и Р. Гротендорст, понятие исходного Тезиса более важно, потому что в такой аргументации вовсе не обязательно соблюдение логического требования однозначности и самотождественности Тезиса. «Реальная аргументация чаще всего посвящена мысленному анализу незнакомой ситуации с целью постановки диагноза, окончательного суждения. Требование предварительной формулировки для подобных случаев чрезмерно и неоправдано <...> Аргументация может быть представлена как процесс последовательной переформулировки тезиса, превращение смутной догадки, неопределенного предположения в логически четкое суждение. Субъекту, автору должно быть гарантировано право уточнять и исправлять тезис, подбирать для него все более адекватные языковые выражения» [Родос 1989: 6]. Такое требование, впрочем, справедливо для обыденной, но не для научной аргументации отсроченного характера. Даже в условиях непосредственного устного научного диалога аргументация весьма не-жестка в указанном отношении, потому что подчиняется принципу стратегии. В условиях же письменного монолога или отсроченного диалога принцип тождественности Тезиса действует, хотя критерий *истинность / ложность* – не всегда, особенно в гуманитарных текстах. Впрочем, в гуманитарных научных текстах нередки случаи постпозиционного оформления Тезиса, особенно когда его начальная формулировка не вполне

четкая.

С линейной точки зрения в работах по аргументации часто проводится терминологическое разграничение собственно Тезиса и Вывода (Заключения): Тезис в собственном смысле эксплицитен и реализуется до выражения обоснования. Вывод – после выражения обоснования; Вывод может быть и имплицитным, если Пропонент предлагает собеседнику самому сделать заключение. В общении без уловок сделать такое заключение обычно не составляет большого труда. Тем самым собственно Тезис и Вывод различаются по позиционным (обязательным) и экспликаторным (факультативным) характеристикам. Представляется, что поскольку эти признаки являются тектоническими и функциональными, кардинального влияния на внутреннюю семантику Тезиса они не оказывают. Поэтому для обеих разновидностей тезисов можно сохранить единый термин Тезис, вводя при необходимости соответствующие уточнения. Что касается эффективности понимания при этих двух разновидностях Тезиса, то она, разумеется, может быть разной: препозитивность и эксплицитность собственно Тезиса заметно облегчают его понимание, а имплицитность и постпозитивность (правда, последняя в значительно меньшей степени) могут «увести» реципиента в сторону. Однако это уже экстраобъектный уровень, не связанный с внутренней семантикой Тезиса.

Доводы. Доказывание (в логике – демонстрация) Тезиса осуществляется при помощи некоторой системы высказываний, называемых по-разному: посылками, аргументами, основаниями, доводами и т.п. В числе посылок в логике упоминают (а) высказывания об удостоверенных единичных фактах, (б) определения, (в) аксиомы и постулаты, (г) ранее доказанные высказывания [Асмус 1954: 19–37]. Среди требований, предъявляемых к аргументам, логики называют: (а) истинность; (б) непротиворечивость другим высказываниям, приводимым аргументирующей стороной в обоснование своей точки зрения, самому положению, установленным или общепринятым фактам; (в) внутренняя непротиворечивость, самождественность, ясность; (г) логическая связанность с положением (тезисом); (д) независимость истинности аргумента от истинности обосновываемого положения [Соколов 1980: 13].

Логическая (референциальная) истинность присутствует далеко не во всех диалогах (ср. хотя бы референциально пустые множества воображаемых предметов типа *леший*, *кикимора* и т.п.) и для общения, не связанного с точными науками, не всегда характерна. Степень надежности тут «определяется самим субъектом», потому что жизненный опыт, познавательные установки, эрудиция аргументирующего существенно различны. Добросовестный автор аргументации может просто не знать какого-то свежего результата. В то же время он не может сочувственно отнестись к безусловно ложному положению, принять на веру сомнительный факт. Поэтому в аргументации используются правила, применение которых основано на необязательной истинности оснований: (1) правило фиксации, по которому аргументирующий обязан фиксировать основания, которые

понадобились ему в данном разветвлении рассуждений; (2) правило обратной связи – ложность или противоестественность выведенного в ходе аргументации положения обязывает субъекта критически проанализировать основания с целью отыскания первопричины парадоксального следствия; (3) правило последовательной верификации – основания перепроверяются в ходе аргументации, что сопровождается рекламациями и отбраковкой не оправдавших доверие оснований; (4) правило однозначности – запрет на полисемию или размытость семантики; (5) правило интерпретируемости – возможность эксплицирования любого слова дефиницией или иллюстрацией [Родос 1989: 8–9]. Заметим, что термин *основание* трактуется у В.В. Родоса (а также в функционально-аргументативном направлении, идущем от С. Тулмина (1968), как *довод*, а в логике – как аргументы и демонстрация одновременно (см.: [Асмус 1954: 54–55]).

Мы под аргументом понимаем комплекс *Тезис + Доводы + Доказывание* и поэтому пользуемся термином *Довод*, который свободен от наличия условий истинности в логической интерпретации. Нельзя сказать, что условия референциальной истинности не играют никакой роли для аргументации в режиме отсроченного диалога или монолога, однако для текстов гуманитарного характера, например лингвистических, которые оперируют образованиями не-предметного плана, денотативная картина истины все же малосущественна. В таких текстах *Доводы* суть образования конвенционального десигнативного типа.

В зависимости от уровня рассмотрения конвенциональность *Доводов* можно разделить на два типа. Первый тип – это исходная общность, когда *Доводы* заведомо принадлежат к общему фонду знаний коммуникантов или могут с большой долей вероятности считаться таковыми. Второй тип – производная общность, когда *Доводы* считаются Пропонентом доказанными и попавшими тем самым в конвенциональное поле сигнификата адресата; это бывшие *Тезисы*, но на новом уровне рассмотрения, т.е. подвергшиеся функциональной транспозиции. В принципе, если Получатель не является предубежденным человеком, а выступает как рациональный субъект, логичность *Доказывания* должна служить надежным средством принятия им *Тезиса*, т.е. между собеседниками имеет место взаимопонимание пол-нодесигнативного вида (см.: [Васильев 1991: 46–47]).

Итак, в статье освещены некоторые вопросы аргументативной ситуации, компонентов аргумента и их семиологические параметры.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмус В.Ф. (1954). Учение логики о доказательстве и опровержении. – М.: Наука.
- Баранов А.Н. (1990). Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. дис. ... докт. филол. наук.– М.
- Брутян Г.А. (1984). Аргументация. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР.
- Васильев Л.Г. (1990). Лингвистические аспекты понимания: Дис. ... докт. филол. наук. Калуга.

- Васильев Л.Г.* (1991). Текст и его понимание. – Тверь.
- Грайс Г.* (1983). Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
- Демьянков В.З.* (1989). Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН АН СССР. – С. 13–40.
- Клюев Е.В.* (2001). Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция. – М.: ПРИОР.
- Михайлов В.А.* (1986). О специфике аргументации в процессе научной дискуссии // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд-во АН АрмССР. – С. 71–76.
- Оганесян С.Г.* (1986). Предметная область теории аргументации и основные понятия теории аргументации // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд-во АН АрмССР. – С. 8–20.
- Павлова К.Г.* (1988). Искусство спора: логико-психологические аспекты. – М.: Знание.
- Родос В.Б.* (1989). Теория и практика полемики. – Томск: Томск. гос. ун-т.
- Соколов А.Н.* (1980). Проблемы научной дискуссии: логико-гносеологический анализ. – Ленинград: Наука.
- Фанян Н.Ю.* (2000). Аргументация как лингвопрагматическая структура: Дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар.
- Beardsley M.* (1950). Practical Logic. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Eemeren F.H. van, Grootendorst R.* (1984). Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed towards Solving Conflict of Opinion. – Dordrecht, Berlin: Foris; De Gruyter.
- Grunert H., Kalivoda G.* (1983). Politisches sprechen als opositiver Diskurs: Analyse rhetorisch-argumentativen im parlamitarischen Sprachgebrauch // Textproduktion und Textrezeption. – Tübingen: Niemeyer.
- Johnson R.* (1987). Logic Naturalized: Recovering a Tradition // Argumentation: Proceedings of the Conference on Argumentation / ed. by F.H. van Eemeren et al. – Dordrecht etc.: Foris. – Vol. 1. – P. 47–55.
- Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* (1969). The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. – Notre Dame; London: University of Notre Dame Press.
- Popper K.* (1962). Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. – N.Y.